

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ В АЛТАЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ: ЛЕКСИКА КОНКРЕТНОГО СЛОВАРЯ

1. Некоторые теоретические основания

1. Вначале уточним, что такое реконструкция в сравнительно-историческом понимании этого слова.

Между звуковой оболочкой слова и его значением нет необходимой связи. То есть в общем случае минимальный знак языка (морфема) является символом (в пирсовском смысле). Тогда однотипное сходство внешних оболочек при относительном тождестве значений большого количества знаков между разными языками — т. е. гипотеза о случайном совпадении неприемлема — означает, что эти знаки в разных языках суть отображения одного и того же набора знаков. Если эти знаки относятся к «малопроницаемым» подсистемам языка, — т. е. гипотеза о массовом заимствовании неприемлема, — то следует считать, что рассматриваемые языки являются отображениями одного и того же языка. Этот прототипический язык может быть построен как язык-посредник, содержащий глубинные формы, из которых по непротиворечивому набору правил могут быть построены формы представленных языков. Построенный таким образом глубинный язык (реально обычно строятся какие-то фрагменты языковой системы) называется праязыком данной группы языков, а группа называется родственными языками. В частности, доказательство родства некоторого множества языков фактически заключается в построении представительного фрагмента праязыковой системы (и, соответственно, в предъявлении этого фрагмента и набора правил вывода поверхностных языковых форм). Интерпретация такой ситуации — историческая, т. е. генетически родственными языками называются те два или несколько языков, которые представляют собой результаты различных линий эволюции одного и того же языка, существовавшего раньше и тем самым являющегося для этих языков праязыком.

Методы реконструкции звуковой оболочки морфем праязыка в упрощенном виде таковы: в родственных языках сравниваются морфемы, для которых предполагается общее происхождение, при сравнении их звукового облика устанавливаются ряды регулярных звуковых соответствий (как санскр. *bh* — греч. *ph* — герм. *b*, санскр. *dh* — греч. *th*, герм. *d* и т. п.) и предполагается, что в соответствующих морфемах-предках общего праязыка этих родственных языков каждому такому ряду соответствовал особый звук. Между восстановленными таким обра-

зом морфемами праязыков нескольких родственных групп языков устанавливаются новые соответствия и т. д.

В основе сравнительно-исторического метода, на сегодняшний день являющегося единственным способом получить научно достоверные сведения о дописьменных периодах истории языков, лежит презумпция, что реконструируемые праязыки, не являясь языками первобытных людей, тем самым не отличаются принципиально по устройству от современных языков, то есть системны и линейны. Истинность условия этой презумпции для тех хронологических уровней праязыков, до которых сейчас дошли частные реконструкции, в свете имеющихся сводок данных языкознания и археологии уже не может вызывать сомнений. Исходя из нее естественно предполагать, что в праязыке, как и в современных языках, основной функциональной единицей являлось слово (лексема), а не корень, и, следовательно, для того, чтобы реконструированный праязык обрел реальность, объектом реконструкции должны быть по возможности не корни, а слова — основы с возможно более конкретными значениями. С другой стороны, в праязыках, как и в современных языках, по-видимому, существовали механизмы словообразования; существуют также убедительные доказательства реальности семантических изменений слов. Очевидно, что реконструкция лексики праязыка должна включать реконструкцию первоначальных значений слов и объяснение изменений этих значений.

2. Здесь мы сталкиваемся с двумя моментами, определяющими необходимость семантической реконструкции:

1) При определении родства морфем разных языков требуется, как известно, установить однотипное сходство внешних оболочек при относительном тождестве значений. Второе требование в принципе не формализовано. Обычно под ним подразумевается связанность допустимыми семантическими переходами. В этимологии принято подтверждать допустимость каждого семантического перехода ссылкой на такой же, реально зафиксированный. Но обычно делается ссылка на зафиксированную многозначность, а многозначность в общем случае не определяет направления перехода, которое важно для подтверждения возможности исторического перехода. Кроме того, обычно при такой ссылке не делается достаточно аккуратно отделения омонимии от многозначности, что также ведет к ошибкам. Например, если бы для обоих значений слова «лук» (оружие и растение) не были известны не связанные друг с другом славянские праформы (восстановленные по независимым от семантики, чисто фонетическим соображениям, *lōkь и *lukь соответственно, ср. польск. *łęk* и *luk*), можно было бы рассуждать о том, какие семантические признаки определяют связь этих значений (например, и тот и другой денотаты связаны с предметами, которые называются *стрелками*) и какое значение первично. Подобные рассуждения зачастую встречаются в этимологических словарях, причем авторы для их верификации не брезгают ссылками на странности первобытного мышления, допуская, по их мнению, самые неожиданные метафоры. Кажется полезным выработать более жесткие требования к по-

строению семантики праязыковых морфем, которые позволяют как-то верифицировать «семантическое сходство» попавших в сравнение поверхностных единиц, в частности выясняя условия, сопровождающие то или иное развитие.

2) Возможное экстралингвистическое приложение. Историческая интерпретация представления о родстве языков и их праязыке подразумевает возможность сопряжения данных, полученных методами сравнительно-исторического языкознания, и других исторических данных. Действительно, язык, будучи средством общения, функционирует в некотором социуме, где это общение происходит. Как могут получиться с течением времени различные линии эволюции одного и того же языка? Простое предположение состоит в том, что языковые изменения (которые происходят в каждом языке постоянно из-за ряда факторов, связанных с особенностями его существования) происходят в основном однонаправленно внутри общающегося социума (просто поскольку язык должен сохранять общепонятность в этом социуме), а при разделении социума и прекращении общения между вновь образовавшимися социумами в разделившихся частях появляются разные изменения. С накоплением различий взаимопонимание между идиомами, развившимися в новых социумах, затрудняется и можно говорить о наличии нескольких отдельных языков. Тогда реконструкция праязыка, произведенная лингвистическими методами над материалом этих отдельных языков, должна свидетельствовать, в частности, о наличии в прошлом определенного социума, бывшего носителем этого реконструированного праязыка, и осмысленной задачей будет найти какие-то внешние свидетельства существования такого социума. Причем решение таких задач важно не только (и, в общем, не столько) для сравнительно-исторического языкознания (это последнее важно и как собственно лингвистическая дисциплина, в качестве более дальнего приложения своих усилий оно имеет еще и построение теории и типологии языковых изменений как части общей теории языка). Результаты сравнительно-исторического языкознания часто являются единственным верифицируемым внешним источником для изучения дописьменных периодов истории. Дело в том, что историческое определение того, кем были носители той или иной археологической культуры, по-видимому, однозначно проводится только при наличии письменных памятников (подобно тому, как историческая интерпретация лингвистических результатов сравнительно проста и однозначна только в тех случаях, когда сохранились какие-нибудь письменные памятники). Но большая часть истории человечества лежит за пределами письменности. Возможность получения информации в этом случае единственная, а именно: если археологические раскопки ведутся на подходящей территории и базируются на подходящих датировках, то можно сравнивать результаты таких археологических раскопок с данными лингвистической реконструкции. Подобная деятельность, конечно, зависит не только от лингвистической стороны вопроса; это большая междисциплинарная проблема. К несчастью, взаимодействие между этими двумя научными дисциплинами часто запаздывает, так что археологи делают свои построения с помощью лингвисти-

ческих данных полувековой давности, и, наоборот, лингвисты, в свою очередь, опираются на устаревшие археологические сведения. Кроме того, идентификацию некоторой археологической культуры с определенным предполагаемым праязыком нельзя сделать прямо: не обязательно ареал всякой археологической культуры был населен в каждый период времени носителями какого-то одного языка. Но в некоторых случаях можно сказать, что предположительные носители некоторого праязыка могли или не могли быть носителями некоторой культуры или жить в некоторой географической области. Это можно сделать на основе анализа реконструированной лексики, основываясь на простом предположении: если в таком-то праязыке реконструируется слово, например для плуга, значит, носители этого праязыка говорили о плугах и, скорее всего, имели их.

Поэтому сравнительно-исторические семантические исследования обычно ориентируются в первую очередь на предметную лексику, хотя в ее описании есть свои сложности, особенно в «энциклопедически нагруженных» областях.

Опыт исторической семасиологии показывает, что анализ изменений значений слов можно производить, исходя из предположения о внутренней организованности лексики в языке: слово изменяет значение не само по себе, но как член лексической группы (поля, микросистемы); таковы работы школы Й. Трира. Задачу реконструкции праславянского лексического фонда не только в формальном, но и в семантическом плане впервые эксплицитно поставил Н. И. Толстой.

В работе [Толстой 1964] он намечает методику такого исследования: «Для лексико-семантической типологии славянских диалектов следует установить индуктивным путем для отдельных “полей” (семантических групп) макро-сетку, на которую могут накладываться лексемы из отдельных диалектов. При этом будут выяснены максимальные и минимальные наборно-дистрибутивные возможности,.. а также взаимоисключающиеся и взаимообуславливающиеся семантические словообразовательные отношения. Это даст также возможность предсказуемости некоторых отношений при реконструкции (ср. опыт использования современных и исторически зафиксированных фонологических систем при реконструкции дописьменного прасостояния)». Подробно правила построения сеток изложены в нескольких статьях, важнейшие из которых — [Толстой 1963; 1966; 1968]. Основа сетки — «микро-поле», которое строится вокруг определенной опорной праславянской лексемы, охватывая всю амплитуду семантического разброса ее рефлексов по славянским диалектам. Семантика рефлексов по диалектам определяется в рамках компонентного анализа, путем вычитания устанавливаются дифференциальные семантические признаки. При построении микро-поля учитывается в качестве релевантного всякий семантический признак, для выражения которого хотя бы в одном диалекте выступает особая лексема. Если в данном диалекте соответствующий набор семантических признаков выражается словосочетанием, клетка остается пустой (хотя для устойчивых сочетаний возможны исключения). При отождествлении рефлексов одной лексемы учитывается наличие словообразовательных показателей: отождествление рефлексов с разными аффик-

сами производится лишь при отсутствии возможности семантической дифференциации с помощью этих аффиксов.

Типология является основой для семантической реконструкции, по мнению Н. И. Толстого, в той же степени, что и для фонологической, а именно: она накладывает ограничения на набор реконструируемых семем, на типы конфигураций семантических сеток; кроме того, архаичная по облику система может послужить моделью прасостояния. В качестве дальней перспективы ставится задача создания методики предсказания семантических изменений.

Характерная особенность подхода Н. И. Толстого к лексике, в отличие от теории лексических полей, — бóльшая жесткость объектов, с которыми он работает; это не размытые «поля», а структуры, по узлам которых («звеньям семантической цепи») перемещаются значения. Очевидно, эта жесткость и обуславливает возможность семантической реконструкции.

Методика, применяемая в настоящей работе, в целом близка методам Н. И. Толстого, хотя и расходится с ними по некоторым положениям. Так же, как у Н. И. Толстого, основой ее является семантическая типология, но центр тяжести переносится на типологию семантических изменений.

3. Исходная гипотеза.

В дальнейшем построении семантической типологии предлагается исходить из следующих представлений. Для некоторых объектов действительности в любом естественном языке имеются наборы первичных (немотивированных) лексем, значения которых, соотносясь друг с другом, определенным образом понятийно расчленяют эти объекты. Способ понятийного членения явлений действительности лексическими средствами языка мы будем называть номинационной решеткой. Этот термин примерно соответствует английскому термину *mapping*, употребляющемуся в работах по синхронной семасиологии, посвященных, например, типологии цветообозначений; однако термин «решетка» в большей мере акцентирует известную жесткость номинационных структур, свойственную рассматриваемым лексическим микросистемам (это свойство значительно облегчает процесс реконструкции праязыковых микросистем).

Для того чтобы строить такую номинационную решетку, требуется, конечно, видеть, что мы посчитали бы значением описываемых слов. Вообще говоря, к настоящему моменту это твердо не установлено: вовлечение в описание и реконструкцию новых областей лексики само приводит к необходимости решения этих проблем. Первоочередной вопрос здесь стоит так: что меняется в языковой семантике в процессе языкового изменения?

В значении лексемы могут быть выделены более мелкие семантические компоненты (правда, в силу явления фразеологизации значение слова не сводится к простой сумме этих компонентов), и эти компоненты могут быть иерархически организованы. Как известно, такое представление о семантике разделяют в настоящее время большинство специалистов; в частности, просто в силу полученного образования, наиболее близко наши семантические построения лежат к семантическо-

му компоненту модели «Смысл ↔ Текст». При этом для реконструктивной исторической семантики вопрос о различии между собственно значением слова и его сочетаемостью (как семантической, так и лексической) оказывается второстепенным. Поскольку предметом изучения является направление исторического развития значений слов, а при изучении истории языка изменение семантики часто прослеживается именно на основе наблюдаемых изменений в сочетаемости слова (например, какой-то тип сочетаемости закрепляется и затем образует новый элемент лексического значения), то провести границу между моментами изменения сочетаемости и изменения значения в диахронии весьма затруднительно. Таким образом, вид той или иной номинационной решетки в каждом языке выявляется с помощью анализа достаточно частотных фразеологизованных употреблений у заполняющих решетку лексем.

4. Проблема многозначности и омонимии.

1) Анализ значения слова включает определение первичного значения и продуктов семантической деривации. Историко-семантический анализ похож на этот процесс так же, как процесс фонетической реконструкции похож на процесс построения глубинных структур для фонемного уровня языка. Как мы помним, рефлексные единицы рассматриваются при реконструкции как отображения глубинных, то есть праязыковых, единиц. При сравнительно-историческом семантическом анализе можно рассматривать варьирование значений рефлексов слова праязыка как род многозначности, скажем, многозначность внутри языковой семьи.

Уже из рассмотрения такой рефлексной многозначности, демонстрирующей в приближенном виде пути семантической деривации, можно получить довольно интересные наблюдения. Например, в работе [Dybo 2006] сопоставлены объемы рефлексной многозначности для лексики со значением явлений ландшафта, реконструированной для праиндоевропейского и праалтайского языков (2006). Праиндоевропейский язык, т. е. момент его распада, датируется V-м тысячелетием до н. э., праалтайский — VI-м тысячелетием до н. э., то есть древность обоих праязыков сопоставима, сопоставимы и объемы реконструированных лексиконов.

Оказывается, между алтайским и индоевропейским материалом наблюдаются определенные различия. Так, привычная нам многозначность «земля-место» — «земля-почва» характерна для индоевропейских языков, но значительно менее характерна для алтайских, где зато значение «земля-почва» обычно сцеплено со значениями типа «плохая земля», конкретнее — «болото», «песок», «солончак». При этом в алтайских языках имеется и другая серия слов со значением «песок», где оно сцеплено со значениями «галька» и «мелкое место в воде», причем у этой группы слов имеется полный семантический аналог в индоевропейских языках. При единственном общем названии камня в алтайских языках мы находим множество названий различных типов камней в индоевропейском (вспомним популярный миф об отсутствии у эскимосов общего названия для снега при наличии множества специальных слов для разных видов снега). Среди значений единиц, имеющих семантику «ровный участок рельефа, равнина», в алтайских группах обя-

зательно появляется значение «холм, гора, сопка», что нехарактерно для индоевропейских языков. Отсюда следует, что представления носителей праиндоевропейского и праалтайского языков о соответствующих пейзажных реалиях сильно различались.

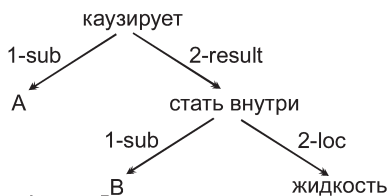
2) Многозначность, омонимия, этимологическое тождество.

Как отделить в этом историческом исследовании, так сказать, многозначность, то есть то, что может быть получено семантической деривацией, от, так сказать, омонимии, т. е. знаков, связанных случайным сходством, возникшим вследствие разнонаправленного изменения различных исходных единиц?

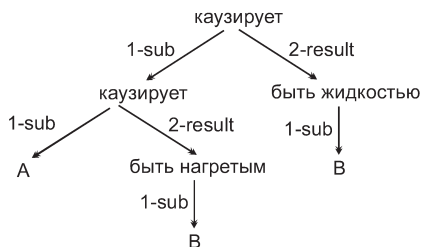
У Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995: 184] предлагается следующий критерий различения многозначности и омонимии: при многозначности разные значения имеют общий неэлементарный компонент, представляющий одинаковые поддеревья деревьев толкований. При омонимии либо общий компонент значений элементарный, либо он представляет неодинаковые поддеревья деревьев толкований. По-видимому, этот критерий достаточно продуктивен и при этимологическом исследовании.

Пример:

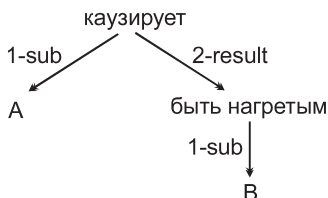
Топить₁: А топит В

Топить₂: А топит В

Топить₃: А топит В

Этимология:

- Топить_{2,3}: ПИЕ **tep-* (скр. *tapati*, рус. *теплый*, диал. *ommenletь* ‘оттаять’, норв. *teva*, др.-ирл. *tee* ‘heiss’ < **tepent-*, хетт. *tapasša-* ‘Fieber, Hitze’) Pok. 1070.
- Топить₁: ПИЕ **tap-* ‘погружать, вдавливать’ (арм. *t’at’avem* ‘погружаю, мочу’, *t’ōn* < *tapni ‘слякоть, мокрость, болото’, гр. *tapeinos* ‘niedrig, demütig’, др.-исл. *theffa* (Umlaut, ср. *thafdha*) ‘stampfen’, *thoof* ‘Gedränge’ Pok. 1056.

Итак, разделение синхронных омонимов в общем коррелирует с этимологическим разделением соответствующих единиц (ср. ошибочное объединение Топить_{2,3} и Топить₁ в ЭССЯ). Конечно, продукты метафорической семантической деривации по формальным критериям объединять труднее, как и в синхронной семантике.

Способы выяснения структуры и направления семантической деривации в истории, в частности такие, как рассмотрение возможностей изменения сочетаемости слова, возможностей изменений под влиянием сменившихся этнографических характеристик у носителей языка, ареальный метод, составляют незамкнутую систему исследовательских приемов, которая позволяет четко поставить вопросы, связанные с семантической реконструкцией, и дать на них ответы. Общие положения, касающиеся семантических изменений, представляют собой не исходный пункт, а результат проводимого исследования¹.

II. Части тела (семантические изменения, не выходящие за пределы поля)

Для первичной отработки метода была выбрана наиболее простая лексическая микросистема — части тела. Эта микросистема а) определенно относится к конкретному словарю, б) имеет для разных языков несомненно одинаково устроенную предметную область; можно ожидать, что семантика в данной микросистеме минимально энциклопедически нагружена; в) она уже хорошо изучена теоретической семантикой; кроме того, в значительной мере обработана семантической типологией. При этом для сравнительно-исторического исследования она также обладает определенными достоинствами: это обычно мало проницаемая и высокоустойчивая лексика, то есть такая, которая обычно используется при доказательстве языкового родства.

Анализом семантики названий частей тела занималась, в частности, А. Вежбицка ([Wierzbicka 1980]; глава «Parts of the Body: The Semantics of Concrete Vocabulary»: 77—95). Относя соматические термины к той зоне «конкретной лексики», которая может быть описана без обращения к «энциклопедическим» сведениям, А. Вежбицка толкует их в рамках теории «семантических примитивов». Основной вопрос при толковании — что семантически первично: анатомия

¹ Реконструктивные опыты, результаты которых интерпретируются ниже, изложены в работах [Дыбо 1985; 1988; 1995; 1996; 1997; 2005; 2009; 2008; 2005; 2006] и нек. др.

или физиология, форма или функция, названия частей тела или физиологических процессов (с. 79). По мнению автора, этот вопрос единообразно решается для всех «внешних» частей тела, для которых предпочтение оказывается чисто «топографическому» толкованию (исключая органы чувств, в толкование которых вводится упоминание о перцептивной функции), для названий внутренних органов принимаются смешанные функционально-топографические толкования. Нужно учитывать, однако, что из исключительного применения теории семантических примитивов следует выдвигание автором на первый план задачи минимализации используемых в толковании признаков, чем, по-видимому, и обусловлено принимаемое ею решение. Точно так же, в целях минимализации, А. Вежица принимает единообразное толкование названий частей тела животных (за исключением, конечно, таких, как *крыло*, *рог*, *копыто*) через соответствующие части тела человека («*круп* = часть тела животного, соответствующая нижней задней части туловища человека» и под.). Изучение реального функционирования соматических терминов в различных языках показывает, что для части терминов, относящихся к «внешним» органам, совершенно необходима «функциональная» часть в толковании, причем слова разных языков, одинаково описываемые топографически, могут различаться по облику (или даже наличию/отсутствию) функциональной части толкования — ср. различие значений англ. *hand* и рус. *кисть*; рус. *колено* (которым бьют и на котором стоят) и монг. *өвдөг* (которым только бьют). Таким же образом типологическое исследование соотношения названий частей тела животных и человека показывает, что и здесь наблюдаются определенные различия. Так, имеются «человеко-ориентированные» и «животно-ориентированные» системы в отношении названий спины: для «человеко-ориентированных» характерна регулярная многозначность ‘спина’ = ‘задняя часть’, ‘место позади’, соответственно от названий спины регулярно образуются локализирующие слова со значением ‘позади’ (ср. англ. *back*, узб. *орқа*); для «животно-ориентированных» — регулярная многозначность ‘спина’ = ‘хребет горы’ = ‘верхняя часть’, ‘поверхность’, ‘внешняя сторона’ и образуются локализирующие слова со значением ‘снаружи’ (горно-алт. *сырт*, азерб. *бел*); кроме того, бывают языки, в которых имеется два названия спины, одно из которых ведет себя как «человеческое», другое — как «животное»; оба они обычно могут синхронно употребляться и для обозначения спины человека, и для обозначения спины животного; естественно считать в каждом из случаев один тип употреблений основным, а другой — метафорическим (тур. *arka* ‘спина, сзади’, *sirt* ‘спина, гребень горы’). Оказывается существенным также «функциональное» различие частей спины человека и животного: при отсутствии необходимости «топографического» различения частей спины как немаркированное слово для обозначения спины в одних языках может употребляться термин, обозначающий в маркированном случае верхнюю часть спины, в других — термин, обозначающий поясницу; в обоих случаях в качестве «общего» слова выбирается функциональное: в первом случае это ‘часть тела, на которой носит груз человек’, во вто-

ром — ‘часть тела, на которой носит груз вьючное животное’. Эти примеры, как кажется, достаточно ярко демонстрируют необходимость типологии при анализе лексического значения.

Приведем пример установления типологии семантических изменений в «микрополе» на подробно обработанном материале. Названия частей верхней конечности человека представляют собой относительно автономную лексическую подсистему. В отношении синхронной семантики в большинстве случаев это чисто «топографические» слова (в смысле А. Вежбицкой); функциональный аспект скорее имеет отношение к их сочетаемости, чем к их значению. Однако обработка материала языков большей части Евразии показывает, что всегда соответствующая номинационная решетка включает член, для которого в толковании необходима функциональная часть и при функционировании которого в языке эта функциональная часть значения играет главную роль, являясь основой для процессов метафоризации и возникновения фразеологических сочетаний. Это «функциональное» название руки как активного органа — основного органа-посредника человеческой деятельности. Будучи самым функциональным и потому, в частности, самым употребительным, такое слово, очевидно, занимает центральное место в номинационной решетке. Обнаруживается также, что оно входит в особую оппозицию внутри номинационной решетки. Это лексическое противопоставление ‘рука’ ~ ‘кисть руки’.

Собственно говоря, здесь имеются в виду два типа противопоставлений, распределенные по языкам: а) ‘рука как конечность (топографический отдел), рука целиком, рука от кисти до плеча и под.’ vs ‘активная часть руки — то, чем берут, пишут и под., (что топографически равно кисти руки); б) ‘рука целиком = рука как активный орган’ vs ‘кисть руки как топографический отдел’.

Легко видеть, что контексты употребления слова со значением ‘активная часть руки = анат. кисть’ бывают следующих типов: (а) чисто «топографическое» употребление (*sa belle main*); (б) контекст, описывающий некую работу (действие), производимую рукой, причем топографически эта работа производится именно кистью руки (*prendre, toucher, serrer par la main, avoir dans la main*; сюда же *écrire par la main*, откуда *la main* в значении ‘почерк’ и под.); (в) контекст, описывающий некую работу, которая с топографической точки зрения совершается не только кистью руки, но и другими частями руки (*lever les mains au ciel, lever la main à qn., Hände hoch!, stretch a hand*). В последнем типе употребление обусловлено именно значением ‘активная часть руки’, актуализуется функциональность производимого действия; ср. различные способы описания действия «скрестить руки на груди» в арабском, персидском, турецком и французском языках (во всех имеется противопоставление ‘Hand ~ Arm’ — тур. *el ~ kol*, перс. *dast ~ bazu*, араб. *yad ~ řadud*, франц. *main ~ bras*): на Ближнем Востоке, где этот жест означает приветствие, или вообще выражение почтения, используются слова *el (elleri kavuřturmak)*, *dast* и *yad*; французский переводчик, для которого смысл жеста не актуализован, дает как

бы его «топографическое» описание: *croiser les bras* (см., например, *Dictionnaire Français-arabe-persan et turc*, Moscou 1841, p. 594).

Необходимо отметить, что для языков с первым типом оппозиции существует подтип контекстов, где противопоставление нейтрализуется, а именно контексты со значениями ‘покровительствовать’, ‘держат в подчинении’ и под. (лат. *praebere brachium/manum aliqui rei* ‘помогать к.-л., ч.-л.’, испан. *dar el brazo* ‘поддержать, помочь’). Эти контексты порождаются переносными значениями обсуждаемых лексем. Для ‘Hand’ это развитие ‘активная часть руки, то, в чем держат’ → ‘власть, сила’ → ‘покровительство, подчинение’; для ‘Arm’ — развитие ‘рука как топографический отдел, верхняя часть руки’ → ‘бицепс’ → ‘сила’ → ‘власть’ (ср. лат. *brachium*, англ. *arm (the arm of the law)*, др.-англ. *Pe me mid his earmum worhte* ‘Who made me with his arms’ (т. е. своим могуществом, речь идет о Боге), фр. *arrêter le bras de qn.*) → ‘покровительство, подчинение’.

В языках со вторым типом оппозиции в контекстах (а) и (б) допустимо употребление наименования кисти руки как топографического отдела (*у нее узкая рука/кисть руки; пожал вялую руку/кисть; пишет напряженной кистью*), причем актуализуется именно топографический характер употребления (в контекстах типа (б) такая актуализация топографического значения может быть связана с экспрессивной окраской речи — ср. аналогичную ситуацию с Arm в языках первого типа); в контекстах (в) употребляется только наименование руки как активного органа (топографически равного Arm): *воздеть руки к небу, поднять руку на кого-л., руки вверх!, тянуть руки к чужому добру* и под.

Таблица 1

Распределение значений названий руки по контекстам

Контексты	Языковой тип 1	Языковой тип 2
1. <i>пятьные кости, отрезать X, красивый X, удлиненный X</i>	Hand	кисть/рука
2. <i>трогать X-м, брать X-м (в частности, протягивать X, чтобы взять), шить X-м, писать X-м</i>	Hand	рука (кисть маркированно)
3. <i>работать X-м, голосовать X-м, тянуть X, воздевать X</i>	Hand (Arm маркированно)	рука
4. <i>обнимать X-м, брать под X, отрезать X, длинный X</i>	Arm	рука

Примечание: Маркированное употребление Arm нам встретилось только с коннотацией «высокого» стиля. Маркированное употребление ‘кисти’ может нести как «высокую», так и «сниженную» коннотацию. Первый случай — ст.-слав. *длань*, польск. *dłoń (potosna dłoń* ‘рука помощи’), ново-ирл. *bas (im basa* ‘by my hand = on my word’, *greadadh bas* ‘wringing of hands through grief’), др.-греч. *παλάμη*, др.-исл. *tund*. Второй — серб. *шака (доћи до шака* ‘дойти до драки’, *пасти шака* ‘попасть в лапы’), тадж. *рапза*, лур. *чаңг*. Стилистически сниженное название кисти может употребляться

ся для наименования лапы животного: тадж. *panža* (по происхождению — ‘пятерня’, так что первоначально, скорее, часть тела человека), др.-ирл. *bas* («копыто»), латыш. *dēlna*. Обратное явление: в языках с оппозициями обоих типов название лапы животного употребляется как стилистически сниженное название кисти руки (не Hand, так как не затрагиваются контексты типа 3) — рус. *лана*, франц. *patte*, нем. *Tatze* — обычно в экспрессивно окрашенных контекстах. Налицо, таким образом, связь «анатомичности» термина с наличием стилистической окрашенности.

Решетка с оппозицией второго типа неизбежно оказывается (благодаря анатомичности семантики кисти) тесно связанной с другой микросистемой: названиями ладони, горсти и кулака; название кисти входит в эту микросистему в качестве четвертого члена, образуя квадрат:

кисть руки	ладонь (внутренняя сторона кисти)
кулак (сжатая кисть)	горсть (сжатая ладонь)

Поскольку обсуждаемая оппозиция включает наиболее функциональное слово решетки наименований частей верхней конечности, ее можно считать центральной для этой решетки. Типология семантических изменений в решетке строится с опорой на центральную оппозицию.

Для построения такой типологии необходимо было произвести сначала реконструкцию семантики и ее изменений хотя бы в нескольких языковых семьях. Мы выбрали индоевропейскую, уральскую и алтайскую семьи, как имеющие развитую этимологическую традицию и большие, в сильной степени обработанные корпусы этимологических предложений.

Прежде всего следует отметить одну общую тенденцию в историческом изменении исследуемых решеток. Это сокращение числа мест в решетке за счет выпадения терминов и возникновение описательных способов наименования соответствующих частей тела.

Естественно, происходит и обратный процесс: с течением времени может теряться мотивация этих описательных терминов, и они занимают свои места в номинационной решетке.

Типология семантических изменений в системе названий руки может быть построена как исчисление переходов между двумя типами центральных оппозиций. При изменении типа центральной оппозиции теоретически мыслимы следующие переходы:

‘Arm’ > ‘рука’	‘Hand’ > ‘рука’
(‘Arm’ > ‘кисть’ исключается логически)	‘Hand’ > ‘кисть’
‘рука’ > ‘Arm’	(‘кисть’ > ‘Arm’ исключается логически)
‘рука’ > ‘Hand’	‘кисть’ > ‘Hand’

Исчисление переходов между двумя типами центральных оппозиций

Типы изменения значения

- а) не меняется объем функционального значения:
- ‘рука’ > ‘Hand’
Этот тип изменения значения обычно бывает обусловлен влиянием контактных языков.
- ‘Hand’ > ‘рука’
«Немаркированный» тип развития, происходящий как по контактным причинам, так и в силу внутреннего развития (например, в силу изменения стилистической окраски слова на нейтральную).
- б) приобретение функциональности (слово начинает стилистически немаркированно употребляться в контекстах типа 3 — см. табл. 1):
- ‘Arm’ > ‘рука’
Этот переход, по-видимому, можно считать ареально связанным: он наблюдается в Центральной Азии в нескольких группах языков, которые последовательно оказывались на этих территориях: в иранских, в сакско-осетинской системе; в тюркских языках средневековых памятников, язык которых исходно связан с территорией Синьцзяна и в новоуйгурских диалектах Синьцзяна (то есть практически на сакской территории)
- ‘кисть’ > ‘Hand’
Такой переход значения происходит, по-видимому, через утрату стилистической маркированности употреблений ‘кисти’ в контекстах типа 3 (см. табл. 1). Поскольку старое слово ‘рука’ выпадает из языка во всех рассмотренных случаях (сохраняясь лишь в дериватах и переносных значениях), такое выпадение можно считать необходимым атрибутом данного перехода. Причина: передвижение сниженного стиля в нейтральный, связанное с изменением социолингвистической ситуации.
- в) утеря функциональности (слово перестает стилистически немаркированно употребляться в контекстах типа 3): ср. б).
- ‘Hand’ > ‘кисть’
Переход ‘Hand’ > ‘кисть’ — те же случаи (ареально связанные!), что переход ‘Arm’ > ‘рука’.
- ‘рука’ > ‘Arm’ — в материале не встречено.
- г) Имеется еще случай смены оппозиции ‘рука’ vs ‘кисть’ на ‘Hand’ vs ‘Arm’ при полной замене лексического наполнения. Это процесс в осетинском языке, основной шаг которого — замена функционального слова оппозиции заимствованием (из чеченского).

III. Подарки

Лексика этой семантической группы относится к разряду культурной и в силу этого легко сменяется с изменением этнографических характеристик (ср. арабско-персидские заимствования в турецкий: *hediyе* ‘подарок’ из араб.; *bağışla-* ‘дарить’ из перс. *бахъ*; в чуваш.: *еткер* ‘имущество, наследство’ из перс. *yadgar* ‘подарок на память’). Из-за той же «культурности» слово с общим значением подарка лег-

ко «конкретизируется» и начинает обозначать какой-то определенный тип подарков. Восстанавливая пра-значения, мы пытаемся выделить более или менее обобщенные признаки, снимая явные случаи адхоковой конкретизации. Оказывается, что семантическая классификация, получаемая в результате, близка к набору признаков, выделенных В. Ю. Розенцвейгом при анализе русской лексики [Розенцвейг 1964], однако, поскольку мы ставим себе преимущественно реконструктивные задачи, а также занимаемся лексикой другого региона и другой эпохи, имеются определенные отличия.

По нашему материалу подарок — это имущество (по терминологии Розенцвейга, ресурс), передаваемое одним лицом другому (// получаемое одним лицом у другого) добровольно и без формально выраженного намерения что-либо за это получить. По признаку добровольности подарку противопоставлена военная добыча или налог; что касается формально выраженного намерения получить что-то взамен, то взятка еще может расцениваться как подарок (и эвфемистически так называться), плата и вообще ситуация купли-продажи — нет. Внутри понятия подарка возможны различия по следующим признакам:

1. Диатеза: Подарок даваемый vs. подарок получаемый: эвенк. *анивун* vs *анимджи*. Различие может быть формально выражено изменением залоговых маркеров.

2. Характеристика донора и акцептора. Они могут быть противопоставлены

а) по социальному статусу: производится ли переход имущества от высшего к низшему или наоборот

б) по возрастным группам (в алтайской культурной области часто тождественно (а)

в) специальный случай: сверхъестественный (сакральный) статус одного из участников (обычно = высший)

г) резидент vs гость. Рус. *гостинец*; ордос. *džölBüri* ‘подарок от хозяина гостю при первом визите’; эвен. *nökyr* ‘подарок, гостинец’ от ПТМ **neku-* ‘приносить’

д) (В ситуации свадьбы) жених, невеста, родичи жениха, родичи невесты, гости.

3. Тип имущества/ресурса: материальный vs. духовный, причем специфицируется особый тип материального ресурса, пища. Виды «духовных» даров: от низшего к высшему — почтительность, от высшего к низшему — забота, родительская любовь (жалость); от сакрального — благословение. Изменение значения признака может происходить метафорически (ср. метафорическое *родительское благословение* в значении ‘наследство’).

В качестве примера рассмотрим реконструкцию пратюркской лексической подсистемы названий типов подарков. Сразу отметим, что однозначно восстанавливается семантика нескольких слов, относящихся к специфическим сферам «дарения»: 1) **alki-λč* ‘благословение’ и 2) сфера отношений между родителями и детьми: **enčü* ‘полученное от родителей имущество’ (наследство, приданое), и **sep* ‘добавка > выданное родителями имущество’ (наследство, приданое). В среднеазиатском регионе различие по диатезе, очевидно в процессе развития юридической

системы, трансформировалось в противопоставление крупного наследства/приданого (выделенный детям земельный участок — фео́д или скот) и мелкого (утварь). Сюда же относится **kumartku* ‘завещание, имущество, оставленное в наследство, памятный подарок’ (отличие от **enčü* — отсутствие употреблений для имущества, полученного до смерти родителей, т. е. это именно ‘наследство’; впрочем, такое различие хорошо восстанавливается для общетюркского состояния, но не для более раннего — вместе с болгарской ветвью — пратюркского, т. к. слово не сохранилось в болгарской группе).

Остальные этимологизируемые названия подарков можно видеть в следующей таблице.

Таблица 2

Закрепленные тюркские значения в области названий подарков

	<i>*belek</i>	<i>*siñ</i>	<i>*sav—ya</i>	<i>*sač—uy</i>	<i>*armayan</i>	<i>*ber—ne</i>	<i>*tart—yu</i>	<i>ačü</i>
Друйг	подарок	(—)	(—)	раздача жертв	(—)	(—)	(—)	дар от высшего
Крх	подарок	подарок без ответного подарка	(—)	(—)	подарок (огуз.)	(—)	поручение	подарок от царя
Сртю	подарок	почет, уважение	военная добыча, подарок из добычи	раздача свадебных подарков	подарок	(—)	подарок царю	(—)
Якут.	подарок	—	—	—	—	—	подать	—
Тув.	подарок	угощение	—	—	—	—	—	—
Хакас.	—	подарок, награда, премия, угощение	—	—	—	—	—	—
Сюг.	подарок	почести, угощение	(пирожок, который едят при богослужении)	—	—	—	—	милость, внимание
Шор.	—	подарок, угощение	—	—	—	—	—	—
Алт.	подарок жениху от невесты	подарок, награда, премия, почести, угощение	—	—	—	—	—	—
Уйг.	—	—	подарок, премия	сласти, рассыпаемые	—	—	—	—
Узб.	—	—	подарок	во время свадьбы	дар, подношение	—	дар, подношение	—

	<i>*belek</i>	<i>*siñ</i>	<i>*sav—γa</i>	<i>*sač—uy</i>	<i>*armaγan</i>	<i>*ber—ne</i>	<i>*tart—γu</i>	<i>açiy</i>
Тур.	(свадебный подарок)	(уважение)	(подарок, угощение)	монеты, которыми осыпают невесту	подарок, награда, премия, посвящение	—	—	—
Азерб.	—	—	подарок с дороги, посылка, гостинец	—	подарок	—	—	—
Туркм.	—	почести, дар, награда, премия,	подарок, приносимый гостем, гостинец	—	—	—	—	—
Карм.	—	почести, угощение	добыча, трофей	—	дар, подарок, подношение	подарок; приношение (Н)	—	—
Татар.	подарок	угощение	подарки, приносимые гостями на свадьбу	—	—	подарок со стороны невесты родственникам жениха; подарки на свадьбе	подать; деньги, даваемые родственникам невесты от жениха на свадьбу, подарки родителей жениха	—
Башк.			—	—	(посвящать, предназначать)			—
Ног.	—	угощение, почет, уважение, подарок	подарок	—	—	дареное оружие	—	—
Кум.	—	почет,	подарок; премия	—	—	—	—	—
Балк.	—	уважение, угощение, подарок, кот. дом жениха шлет в дом невесты после свадьбы		раздача	—	подарки невесты членам семьи жениха	—	—
Казах.	—	подарок, угощение, премия	подарок из военной или охотничьей добычи;	подарки, раздаваемые гостям на свадьбе	(посвящать, предназначать)	—	подарок, подношение	—
Ккалп.	—	подарок, угощение, уважение, премия	подарки, приносимые гостями	подарок в честь рождения ребенка или женитьбы		—	—	—
Кирг.	подарок	подарок, награда, премия, уважение, почести, угощение		обсыпание сластями		—	подношение, подарок, часто замаскированная взятка	—
Хлдж.	—	—	(угощать)	—	—	—	—	—
Чуваш.	благословение, родительское напутствие	(угощение, подношение (тат.))	—	—	—	подарок	—	—

На картах на стр. 378 показано, как географически соотносятся указанные слова и их различные значения.

Из рассмотрения таблицы и картосхем легко сделать следующие выводы:

а) Очевидно, что **belek* — нейтральное, наиболее общее (основное) название подарка. Оно засвидетельствовано в этом значении с древнетюркского времени и в самых удаленных группах языков. В чувашском слово ушло в сакральную сферу, будучи вытеснено новообразованием *parne* (продуктивное отглагольное производное).

б) Еще два слова из перечисленных принимают значение общего названия подарка: **suy* и **sav-ga-t*. На карте 2 видно, что в центральной зоне распространения тюркских языков часто имеется оппозиция двух названий подарка, одно из которых значит подарок, принесенный гостем, а другое — либо нейтральное, либо, наоборот, подарок, даваемый хозяином. Во всех таких случаях первое значение выражено рефлексом слова **savgat*, а второе — различными словами (**siñ*, **armagan*, **berne*). Естественно заключить, что **sav-ga-t* первоначально имело именно это значение, что хорошо коррелирует с древнейшим зафиксированным: ср.-кыпч. ‘подарок из военной добычи’.

в) Значение **siñ* можно определить как ‘передача средств от низшего донора к высшему акцептору’ (тип ресурса не важен). Это может быть «взятка», «почести» и «подношение». **Armagan*, видимо, обозначало то же самое, но возникло как огузская инновация (продуктивное отглагольное производное).

г) Как показывает география слова **tart-ig* (продуктивное производное от *tart* ‘тянуть’), это инновация, которая заменила **siñ* в системах центральных языков; в татарском и башкирском впоследствии слово было специфицировано для ситуации свадьбы.

д) Значения рефлексов **sačig* явно объяснимы из его этимологии (от глагола **sač* ‘разбрасывать, рассеивать’), это ‘раздача’.

Реконструируемые пратюркские немотивированные названия подарков:

а) *belek* — общее название ‘подарка’

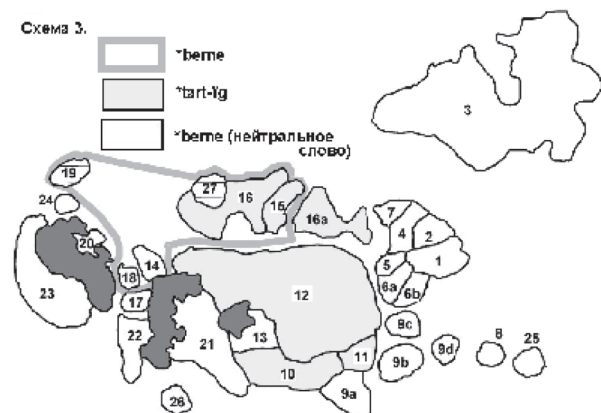
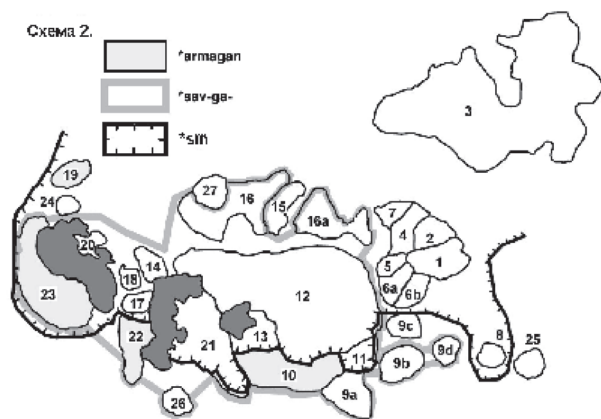
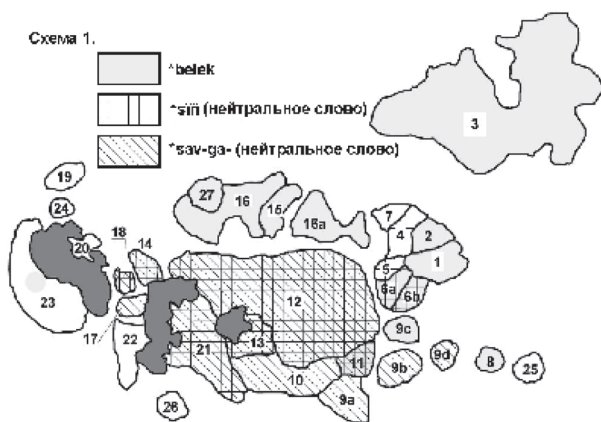
б) *siñ* ‘передача средств от низшего донора к высшему акцептору’

в) *enču* и *sep*: ‘приданое’ и ‘наследство’: *enču* ‘подарок от родителей детям, получаемый’, *sep* ‘подарок от родителей детям, дающийся’

г) *ačug* ‘передача средств от высшего донора к низшему акцептору’.

Таким образом, среди пратюркских немотивированных слов (все они имеют алтайские прототипы в области имущественной лексики) есть нейтральное слово для ‘подарка’ и противопоставления, выраженные как дающиеся/получаемые средства и низший/высший дарители (среди которых выделяются родители). Противопоставление хозяин/гость как даритель возникает, очевидно, позднее, в центральной зоне тюркской области (оно основано на производных от глагола *sav* ‘принимать, угощать’). Все термины, различающие подарки участников бракосочетания, являются новыми.

Распространение названий подарков

1. Тувинский
2. Тофаларский
3. Якутский
4. Хакасский
5. Шорский
6. Алтайский
- а) Сев. диалекты
- б) Южн. диалекты
7. Чулымский
8. Сарыг-юйгурский
9. Уйгурский с диалектами
- а) Кашгар и Хотан
- б) Или
- с) Лобнор
- д) Хотон
10. Узбекский
11. Киргизский
12. Казахский
13. Каракалпакский
14. Ногайский
15. Башкирский
16. Татарский
- а) Сибирский
17. Кумыкский
18. Балкарский
19. Караимский
20. Крымско-татарский
21. Туркменский
22. Азербайджанский
23. Турецкий
24. Гагаузский
25. Саларский
26. Халаджский
27. Чувашский

Итак, можно восстановить пратюркскую систему непроемных названий 'подарков'. Интересно сравнить ситуацию в праиндоевропейском. Анализ праиндоевропейской имущественной терминологии, основанный на аналогичных принципах, можно извлечь из хорошо известной работы Э. Бенвениста [Benveniste 1970]. Продемонстрировано, что у праиндоевропейцев не было непроемных терминов для 'подарка' (несмотря на тот факт, что у них было много терминов для торговли и обмена), все названия 'подарков', отраженные в индоевропейских языках, производны от глаголов со значением 'давать'. Основы, значения которых наиболее близки к обсуждаемой семантической области, — это **Iew-* 'военная или охотничья добыча', **misdh-* 'награда или приз в спорте', **serw-* 'награбленная добыча'.

IV. Жилище

При реконструкции лексики, релевантной для облика палеокультуры, встает ряд проблем, относящихся к семантическому описанию так называемых энциклопедически нагруженных тематических полей. Здесь также помогает выделение среди семантических признаков, структурирующих поле, или, точнее, лексическую микросистему, «функциональных» и «формальных», или «топографических», признаков. Слова, содержащие в значении «функциональные» элементы, — это узловые точки в семантической структуре системы, поскольку их топографический объем и типы регулярной многозначности определяют направление семантического изменения для других слов в системе. Пример: среди названий жилищ обычно можно выделить два типа. Названия первого типа (*дом*) несут функциональную нагрузку, обозначая не только «определенный тип строения», но и «локус субъекта». Отсюда регулярная многозначность «локус субъекта и лиц, сопряженных с ним неотъемлемой принадлежностью», «локус семьи субъекта» и, как метонимический перенос (вместилище > содержимое), «семья». Естественно, такие слова являются для поля базовыми, более частотны и лучше демонстрируют тенденции семантической эволюции внутри лексической микросистемы. Названия второго типа (*шалаш, палатка*) обозначают только специфические виды строений и не имеют такой многозначности. Основная проблема при реконструкции «энциклопедически нагруженных» слов — это именно реконструкция «топографических» признаков, поскольку функциональные признаки в основном либо сохраняются, либо могут быть прослежены в эволюции лексической микросистемы, в то время как топографические могут просто замещаться при изменении культурного и природного окружения и проследить их можно лишь с помощью косвенных свидетельств (например, можно говорить о прямоугольном типе жилища, если в языке присутствует регулярная многозначность «(внутренний) угол» — «часть жилища»).

Для лексико-семантического микрополя наименований жилища в тюркских языках можно отметить следующие характеристики. Выделяются слова — названия определенных типов построек, используемых как жилище. По форме эти по-

стройки могут быть стационарными, переносными и временными. Для переносных построек следует различать тип «палатка», или «чум» (каркасное жилище, в котором не выделена крыша), и тип «юрта» (высокотехнологичное каркасное жилище с четким выделением каркаса стен и каркаса крыши). Перекрещивается с признаком «форма» признак «функциональность», т. е. часть наименований несут не только семантику определенного типа постройки, но и семантику «жилье» = «локус субъекта» или «локус субъекта и лиц, сопряженных с ним неотъемлемой принадлежностью > его семьи». С этого значения обычен метонимический перенос «члены семьи». «Жилье» может выступать как «малый дом» и «большой дом» (в терминологии С. Е. Никитиной и Е. Ю. Кукушкиной — [Никитина, Кукушкина 2000]). «Малый дом» — это собственно постройка как жилье, «большой дом» — постройка как жилье и неотъемлемо принадлежащая к ней территория: двор с надворными постройками для стационарного жилища, родовая пастбищная территория или загон для жилища кочевого типа. Интересно, что в ряде случаев мы видим в тюркских языках особое название для «большого дома» (хотя в других случаях «малый дом» и «большой дом» — значения одной лексемы).

Вот одно из основных тюркских слов для «дома», как оно представлено в древнетюркском:

- *eb* — основное слово для «жилища» как локуса субъекта.
- Древнейшие словоупотребления.
- 1. Помещение, жилище (house + home): *ol efkä bardy* ‘он пошел в дом’ (МК); *ol evkä baryndy* ‘он сделал вид, что собирается пойти домой’ (МК); *ol any evdin köçürdi* ‘он переселил его из дому’ (МК); *evüñkä javutma uşaqçy kişig* ‘не давай подходить к своему дому сплетнику’ (QB); *Ersäk erkä tegmäs / eväk evkä tegmäs* ‘распутная женщина не выйдет замуж, / торопливый не дойдет до дома’ (МК).
- Производные:
- а) композит *eb barq napn.* ‘жилище’: *süsi ebig barqy julyaly bardy* ‘[одно] их войско отправилось грабить жилища’ (БК); *ebin barqyn jylqysyn julmadym* ‘их жилища и табуны я не захватывал’ (МЧ)
- б) Adj_{Loc} *evdäki* ‘находящийся в доме’ > «домашний» (*jazydaqy süvlin edergäli evdäki taqayy uçyynma* ‘пока гоняешься за фазаном в степи, непусти курицу, находящуюся в доме’ МК)
- в) S_{Att} *evlig* ‘хозяин, владелец дома’: *endik uma evligni ayyrlar* ‘[даже] глупый гость почитает хозяина дома’ (МК); *evlig todyrsa közi jolqa bolur* ‘если хозяин дома насытит, глаза [гостя] будут [смотреть] на дорогу’ (МК)
- г) Adj_{Att} *evlüg* ‘владеющий домом’: *til arslan turur kör eşikdä jatur / aja evlüg er saq başyñny jejür* ‘язык — лев, смотри, он лежит у входа, / о муж, владеющий домом, будь внимателен, он съест твою голову!’ (QB).
- 1 а. «Внутренний дом»: семья, домочадцы: *ebi on kün önrä ürküp barmyş* ‘его семейство уже за десять дней, испугавшись, ушло’ (МЧ).
- Производные:
- а) S₁ *eb-çi* ‘жена»; *ev-çi* ‘жена; женщина’: *bu ikägü... er ebçi bolmyşlar* ‘эти двое...

- стали мужем и женой' (USp); *ury oylanlyy evçi süti* 'молоко женщины, имеющей мальчика' (Rach)
- б) S_{Attr} *evlig* 'жена': *qaly evlig almaq tiläsä özün / talusyn tilä ked jiti qyl közüñ* 'если ты хочешь взять себе жену, / ищи хорошую (букв. отборную) и будь очень внимателен'
  - в) V₁ *eb-lä-* 'женить': *eblädim oylumyn qyzytymyn qalyñsyz bertim* 'я женил своих сыновей, своих дочерей я выдал [замуж] без выкупа' (C). Refl. *ev-lä-n-* 'обзаводиться семьей': *tünlä jorup kündüz sevnür / kiçigdä evläñip ulyađu sevnür* 'кто идет ночью, отдохнет днем, / кто, будучи молодым, обзаводится семьей, получает удовольствие, когда вырастет' (МК)
  - 2. Здание, строение: *bu üñniñ tařamy altundan erdi* 'крыша этого дома была из золота' (ЛЮК); *ev oçaqlandı* 'в доме была сделана печь' (МК); *ölüm buzdy qarşy saraj ev üküş* 'смерть разрушила много дворцов и домов' (QB); *bu begläř evi aty qarşy turur / bu qarşy icindäki qarşy turur* 'дом этих беков называется дворцом, / [а] внутри этого дворца — раздоры' (QB) (игра слов: *qarşy* 'дворец' и 'вражда, раздор, ссора').
  - Производное:
    - композит *ev barq narpn.* 'дом и надворные постройки, усадьба': *evün barquñy ked aruñ tut silig* 'свой дом и надворные постройки держи в большой чистоте и опрятности' (QB)
  - 3. «Большой дом», становище: *kül tegin ebig başlaju qytymyz* 'мы отпустили Кюль-Тегина предводительствовать в становище' (КТ); *basmyl jalydyp ebimrü bardy* 'став врагами [нам], басмылы пошли на мое становище' (М).
  - Производное:
    - композит *eb barym* 'жилище, становище': *ebin bary[myn] [qaly]syz qop kelärti* 'его становище, все без [остатка], он доставил [к себе]' (КТб).

Что касается противопоставления «постоянного» и «переносного» жилища, то оно представлено в подавляющем большинстве тюркских языков. Рефлексы основных используемых в этом противопоставлении пралексем распределяются по номинационным решеткам в отдельных языках, например, так:

Чув.	Здание	Малый дом	Большой дом
Стационарное	*biark	(*eb), *gel	*gel, *jurt
Переносное	*koł, *alaçyg	—	[*ořag]
Якут.	Здание	Малый дом	Большой дом
Стационарное	Монг., [*koł, *biark]	ТМ	*agyl, *koł, *alaçyg
Переносное	ТМ, Монг., *ořag	Монг.	*jurt
Др.-тюрк.	Здание	Малый дом	Большой дом
Стационарное	*eb, *bark	*eb	*eb, *jurt
Переносное	*eb, *alaçyg, *cātur	*eb, *ořag	*eb, *jurt, *koł

Построение результирующей семасиологической таблицы (см. [Дыбо 2008]), в которой входами являются пратюркские лексемы, а в клетках выражаемые ими в каждом отдельном языке члены семантических оппозиций (плюс еще в нескольких случаях коннотативные признаки «хороший» ~ «плохой») продемонстрировало, что реконструкцию праязыкового состояния нужно здесь производить в две ступени. Прежде всего, для пратюркского состояния совершенно очевидно восстанавливается слово **eb* со значением ‘функциональное название дома’, с регулярной многозначностью ‘здание’ — ‘внутренний дом’ — ‘большой дом’. Во всяком случае, на общетюркском уровне его значение именно таково. Но привлечение чувашского материала обнаруживает еще одного кандидата на функциональное слово для ‘дома’: **gel*. Это функциональное название в чув. и значение огузских рефлексов также должно восходить к функциональному названию. При этом чув. рефлекс явно указывает на признак стационарности, чему огузские рефлексы не противоречат. Итак, для **gel* легко восстанавливается семантика «функциональное наименование стационарного дома». Тогда можно предположить, что **eb* первоначально, в пратюркском, было функциональным названием дома, немаркированным по стационарности. Ситуация с двумя функциональными названиями жилища, скорее всего, говорит об отгонно-скотоводческом образе жизни этноса-носителя — видимо, при наличии юрты или другого высокотехнологичного типа переносного жилища, что, в принципе, не противоречит историческим данным. Слово **eb* в какой-то момент времени практически полностью вытесняется в чувашском (волжско-булгарском?) языке, должно быть, при переходе к оседлому образу жизни, сохраняется лишь функциональное слово для стационарного жилища. В прочих языках, наоборот, по-видимому, слово **gel* вытесняется на периферию лексико-семантической микросистемы, а **eb*, опять же в связи с изменениями в образе жизни этноса-носителя, остается главным функциональным словом, применяющимся в первую очередь к переносному жилищу (юрте?). В якутском языке произошло вытеснение функционального названия дома тунгусо-маньчжурским заимствованием *žie*; основной тип переносного жилища имеет монгольское по происхождению название *uraha* и является не типом юрты, а типом чума; название строения, использующегося как основной тип стационарного жилища, — также монголизм *balayan*. Заимствование функционального слова говорит о значительной культурной перестройке у этноса-носителя; мы бы связали это с переходом к технологии строительства стационарного жилища (в плане обычно четырехугольного) из вертикальных наклонных бревен или плах (половинок бревен), которое теперь находим у якутов; эта технология, по-видимому, исходно является для этого региона тунгусо-маньчжурской [Василевич 1969: 112—114; Шавкунов 1990: 73]. Ср. «круглые» стационарные жилища из горизонтально лежащих бревен в гуннский период на Саяно-Алтае, которые обычно связываются с тюркским населением.

В древнетюркском явно «основное» жилище осознается как переносное. Для обозначения стационарной постройки, а также ее содержимого употребляет-

ся отглагольное имя с буквальным значением ‘постройка’ **biark*, в основном, в составе композита с «функциональным» словом. Это название постройки сохраняется, опять же исключительно в составе композита, в общетюркских группах, рано оказавшихся в регионах с преимущественно городским типом заселения, — карлукской (узбеки, уйгуры) и западногузской (турки). Значение ‘дом как постройка, изба’ сохраняется также в чувашском. Ушедший за пределы лексико-семантической микросистемы рефлекс этого же слова можно видеть в якут. *byrt* ‘имущество, жизнеобеспечение’; уход его вполне естествен в связи с предположенной выше перестройкой.

В дальнейшем рефлексы слова **eb* продолжают оставаться во всех «общетюркских» языках функциональным названием дома, принимая семантику переносного или стационарного жилища при немаркированном употреблении в зависимости от образа жизни соответствующих этносов-носителей (у народов преимущественно кочевых это преимущественно переносное жилище-юрта, у преимущественно оседлых — стационарный дом локальной формы). В качестве названия маркированно стационарного здания используется по ареалам либо название территории проживания (**jürt*: хак., галт., тат., башк., ног.; **ayyl*: тув., тоф.; ср. в той же функции заимствованное из монг. *ail* в галт. *ajyl*), либо персидское заимствование *žāj* ‘место’ (каз., н.-уйг.), либо старое обозначение стены стационарного жилища-землянки (**dām*: туркм., ккалп., узб.), либо, наконец, общетюркское (но, возможно, заимствованное) название укрепления, укрытия (**dura*: хак., галт.).

Уточним, что нет оснований восстанавливать для **eb* пратюркское значение ‘юрта’. Похоже, что названием основного типа переносного жилища для этого периода было слово **kol(з)* (какой-то тип кочевого жилья в сюннуском, ‘юрта’ в чув. и кбалк.; як. ‘название зимних населенных пунктов’, хак., ног., казах., ккалп., кирг. ‘маленькая временная походная юрта’, т. е. палатка на каркасе верхней части юрты, без стальных решеток). При том что, возможно, классическая юрта в это время не была еще изобретена, вырисовывается какой-то более архаический тип переносного жилища.

Два пратюркских слова могут выражать специфическое значение ‘большой дом’. Разброс их по языкам показывает, что старым словом для обозначения территории, прилегающей к жилищу, следует считать именно **jürt*, кочевому или оседлому — в зависимости от «основного» вида жилища для носителей каждого языка. Что касается ПТ **āgył*, то первоначально оно явно обозначало ‘загон’, а значение ‘территория, прилегающая к дому’ > «поселение» — вторично.

Для пратюркского восстанавливается еще несколько названий нестационарных построек (**ōtag*, **alaču*, **čātur*), из них два последних — скорее всего, заимствованные, все это — типы чума или палатки.

Такая картина согласуется с археологическими и этнографическими данными практически по всему югу Восточной Сибири. Представлено стационарное жилище — каркасное деревянное (на столбах, с заполнением пространства бревнами), иногда полуземлянка, и временное — каркасное, с каркасом из дерева, по-

крышкой из шкур или войлока ('войлок, кошма' — пратюрк. *keçe или общетюрк. *kidir [СИГТЯ 2000: 392]) или (в лесных районах) из лиственничной коры либо бересты. Тот факт, что бревенчатая стена стационарного жилища не является, тем не менее, несущей, возможно, нашел свое языковое отражение в следующем явлении. Восстанавливается общетюркская отдельная лексема для обозначения стены стационарного жилища (*dām) в отличие от решетчатой съёмной стены каркасного переносного жилища (общетюрк. *kānat). Но это слово (*dām) чрезвычайно часто приобретает также значение 'крыша'. Ср. обычную производность названия крыши от глаголов со значением 'покрывать' (см., например, [Stachowski 1994]). Таким образом, эта 'стена' осознается в некотором роде 'покрышкой', а не 'опорой'.

Стационарное жилище по форме, как и переносное, — примерно круглое (находят 6-, 8-, 12-угольные столбовые и рубленые постройки, такие же распространены и теперь у сибирских тюрков). Ср. отсутствие специфического обозначения угла дома как несущественного при такой архитектуре; ср. *buluŋ 'внутренний угол' [ЭСТЯ 1978: 262], где из пространственных конкретизаций присутствуют ландшафтные значения 'обособленно стоящая часть леса, реки, озера, отдельно стоящий пригорок, мыс, долина, суша, прилегающая к острову', но никогда 'часть дома'. Только в Поволжье название внешнего и внутреннего угла (чув. *rəsməx*, тат. *počmak*) начинает употребляться в значении 'часть дома, часть комнаты, кухня'. Это — явное влияние соседних языков, русского и волжских финно-угорских, вместе с их реалиями, ср. коми *serög* 'угол, задняя часть дома' из общепермского *söreg 'угол, часть, отсек, отделение' [КЭСК: 272].

V. Антропоморфная и зооморфная метафора

Вообще говоря, при историческом изучении метафоризации исследователь сталкивается с явлениями двух типов. Прежде всего, следует помнить, что в общем случае метафоры, которые зафиксированы в языке, то есть в словаре языка (соответственно в метатексте, с синхронной точки зрения), неминуемо восходят к метафоризации в тексте, поскольку изменение значения слова происходит через изменение его употребления (согласно пионерской формулировке Э. Бенвениста, [Benveniste 1954]). Этимология, таким образом, вскрывает через явление языка чуть более древнее состояние, предполагая наличие соответствующих текстов в культуре этноса — носителя данного языка. Вместе с тем, однако, лексикон функционирует и как самостоятельная подсистема с самостоятельными развитиями; так, хорошо известно явление, когда слова одного лексического поля развивают изоморфные системы многозначности и в этом случае возникновение метафоры в словаре как бы предшествует ее реализации в тексте. В том случае, когда существует универсальный тип многозначности, обязательно встречающийся в языках различных типов (хорошо известным примером такой многозначности может служить многозначность, восходящая к метонимическому пе-

реносу «вместилище» — «содержимое»), по-видимому, происходит то же самое, а именно: как только в лексиконе осуществляется слово с таким значением, оно уже имеет потенциал этого универсального переноса, предшествующий тексту, в котором такой перенос осуществляется. Этимология, в принципе, может справиться и с такими случаями, то есть тем самым может верифицировать гипотезу о наличии в данном конкретном состоянии пракультуры, соответствующей историческому состоянию определенного языка, текстов с исследуемым типом метафоризации. Но для этого необходимо развитие исторической типологии метафоры, чтобы понять, насколько универсальны различные типы этих метафор, а насколько этнокультурно обусловлены, т. е. связаны с бытовавшими в данной культуре текстами.

Ниже будет рассмотрен лишь один из типов антропоморфной / зооморфной метафоры — собственно антропо- / зооморфный, т. е. переносы названий с частей тела человека и животных на другие объекты действительности.

Для межъязыковой и межкультурной типологии антропоморфной метафоры наиболее интересны следующие области метафоризации: ландшафт, артефакты (среди артефактов особо выделяется жилище), социальная организация. Еще одна известная сфера переносов с названий частей тела не является предметом нашего рассмотрения, будучи не метафорическим, а метонимическим переносом. Это перенос «название внутреннего органа» — «эмоция или иное явление духовной сферы», несомненно, для наивной картины мира являющийся подвидом упомянутого выше переноса «вместилище» — «его содержимое».

Перечисленные области являются универсальными и хорошо изучены, например, на базе индоевропейских языков. Для древних индоевропейских языков зафиксированы даже мифологические тексты (которые, по-видимому, обуславливали соответствующую метафоризацию), посвященные сотворению космоса и социума из частей тела пра-человека, причем эти мифологические сюжеты могут быть реконструированы для праиндоевропейского состояния (см. [Мифы народов мира 1: 532]). Что касается жилища, известно, что в архаическом мировосприятии оно может фигурировать в качестве модели мироздания и вторичным образом также отражать антропоморфную метафорику (ср. [Цивьян 1974; Невская 1979: 222—227]).

Для алтайских языков фиксация мифологических текстов относится к значительно более позднему времени, чем в случае с индоевропейскими языками. Следовательно, вскрытие соответствующих культурных пластов может проходить только через лингвистическую реконструкцию и этимологию с учетом тех особенностей языковой метафоры как метатекстовой, которые были отмечены выше. Итак, последующий анализ антропоморфной метафоры в тюркских языках имеет реконструктивные цели. Можно ли, скажем, с его помощью восстановить пратюркскую мифологическую сущность, подобную древнеиндийскому Пуруше?

На первый взгляд, антропоморфная метафора вполне распространена в лексике тюркских языков, в том числе в перечисленных семантических областях. Рассмотрим, однако, материал.

1) Артефакты.

Материал демонстрирует, по-видимому, по большей части метафорические переносы универсального или, по крайней мере, фреквентального характера; так, в первую очередь, названия кухонной утвари, в частности деталей сосудов. Обращает на себя внимание одна характерная особенность, отличающая тюркскую систему: наличие развитой метафоризации при наименовании частей повозки. Это тув. *qulaq*, як. *qulgāx* 'гуж хомута' (< 'ухо'); як. *суһах* 'полозья саней' (< 'скула'); *parŋak 'палец, пальцы' > 'спицы колеса' — тур., гаг., аз.; *dyrŋak 'ноготь, коготь' > 'ось колеса арбы' — туркм. диал., 'зубья в полозьях саней' — тат. диал.; *kökrek 'грудная клетка' > 'кузов телеги' — турк. диал., 'передок арбы' — узб. диал., 'корпус телеги' — башк. диал., 'подушка телеги' — тат., башк.; *kīn, *kīn-tik 'пупок' > 'брус в основании арбы' — узб., 'сердечник у телеги' — чув. диал.; *tāpan ' подошва, ступня' > 'полоз саней' — гаг., башк., алт., хак., чув., 'обод колеса' — аз. диал., уйг. диал. Ср. также детали других транспортных средств — луку седла (< *kāš 'бровь') — фактически общетюркский перенос, в этом значении слово заимствовано в перс. *gāš*; *em-ček 'сосок' > 'шип на подкове' — башк. Безусловно, за этим классом метафор просматриваются совершенно определенные культурно-исторические причины.

2) Ландшафт.

Оказывается, что, рассматривая метафорические ландшафтные употребления слов — названий частей тела в тюркских языках, следует различать горный и водный ландшафты.

По отношению к водному ландшафту достаточно единообразно по разным тюркским ареалам употребляются различные наименования частей человеческого тела: ухо («залив на реке», «затон»), бровь («край берега, обрыв у реки»), глаз («родник; окошки в болоте; полынья»), нос («мыс»), челюсть («прибрежный лед»), рот («устье реки; устье колодца»), язык («мыс, коса, залив»), глотка («пролив, рукав, узкий залив, устье реки»), подмышка («залив»), пазуха («залив»), рука («приток реки, рукав»), локоть («излучина реки; залив»), жила («канал»), тело («местность вдоль реки; берег, долина»), пупок («маленький островок на реке»), нога («низовье реки»).

Гора, метафоризуясь как нечто, сходное с живым существом, рассматривается либо как человеческое лицо (ср. употребления таких слов, как 'бровь', 'веко', 'лицо', 'нос', 'рот', 'зуб', 'глотка'), либо как тело лежащего животного ('морда', 'шея' как перешеек, 'спина' — 'хребет', 'ребро', 'передняя нога', 'грива'). Перенос названий других человеческих частей тела на горный ландшафт наблюдается только в тюркских языках Южной Сибири (ср. тув. *шенек* 'локоть' = 'выступ горы'), см. также [Молчанова 1982: 225—226]. Несомненно, это обусловлено контактами с обитающими на соседних территориях монгольскими языками; относительно монгольских особенностей антропоморфного представления ландшафта см. хотя бы [Жуковская 2002: 28—29]: гора рассматривается как стоящий человек, ориен-

тированный спиной к северу; обозначены затылок, спина, щеки, плечи, подмышки, ребра, колени; по-видимому, такая метафоризация напрямую связана с представлением о духе — хозяине горы.

При этом можно показать, что все развитие монгольской системы названий частей тела от праалтайского состояния шло по направлению к возникновению животно-ориентированной системы и, собственно, нынешняя система названий частей тела человека в монгольских языках по большей части восходит к пра-алтайским названиям частей тела животного (см. [Дыбо 1996: 411—412]). Таким образом, словарно такая метафоризация должна быть относительно новой для монгольских языков — возможно, датироваться не раньше распада общемонгольского единства. Итак, монгольские языки в этом смысле стоят особняком среди окружающих языков: о метафоризации в тюркских названиях частей тела мы уже говорили выше; для тунгусо-маньчжурских языков обнаруживаются только очень локальные ландшафтные метафоры на основе частей тела человека, явно связанные, с одной стороны, с влиянием бурятского языка (эвенский: *belge* ‘лоно, колени’ > ‘склон’ [ССТМЯ 1: 123] — как бур. *bel* ‘косогор, склон горы’), с другой — с влиянием монгольского языка (маньчжурский: ‘шея’ — *meifexen* ‘скат, косогор’ [Там же: 538]). Зато вполне распространена зооморфная метафора ландшафта (см. [Дыбо 1996: 309—315]): основные переносы — спинные позвонки / горный хребет, бок/склон. Интересно также отметить, что «словарная» антропо- и зооморфная метафора получила свое отражение в общеалтайской этимологии (ср.: ПА **kiamp’a* ‘верхушка, верх головы’ > ПЯп **kàm(p)-* ‘верх, верхушка горы; голова’ [EDAL: 687]; ПА **nīme* ‘верхняя часть головы, темя’ > ПЯп **mínái* ‘вершина горы’ [Ibid.: 978]; ПА **t’ep’á* ‘макушка’ > тюрк. **tepö* ‘холм, вершина’ [Ibid.: 1419]; ПА **t’umu* ‘голова, темя’ > ПЯп **tum-* ‘верх, вершина горы’ [Ibid.: 1475]; ПА **kiāč’ù* ‘рот, внутренняя часть рта’ > тунг.-маньчж. **kuči-n* ‘колодец’ [Ibid.: 682]; ПА **siongre* ‘позвонок, спинной отросток’ > Тюрк. **sejir* ‘выступ горы’ [Ibid.: 1281]; ПА **ziül’a* ‘позвоночник, хребет, загривок’ > Тюрк. **jyl* ‘горный лес, чаща; хребет’ [Ibid.: 1521]; ПА **p’ágdí* ‘нога животного, лапа’ > Монг. **(h)adag* ‘конец, устье, низ течения’ [Ibid.: 1119]).

Итак, космос для праалтайцев, насколько можно судить по реконструируемой лексике, так же, как и для пратюрков, скорее зооморфен, что может быть связано с реликтами тотемистических воззрений. В специальном объяснении, таким образом, нуждается антропоморфность горного пейзажа у монголов (контактное явление?) и антропоморфность водного ландшафта для тюрков.

Единственный обнаруженный в тюркских языках перенос с названия части тела на деталь социальной структуры — это повсеместно встречающееся развитие **balč* ‘голова’ > ‘начальник’, переход, демонстрирующий высокую частотность по всей Евразии и, скорее всего, этнокультурно не связанный (ср. [Аркадьев 2003: 201]).

VI. Названия растений

Как уже упоминалось, при работе с единицами «энциклопедически нагруженного» семантического поля необходимое для исторических исследований семантическое описание может быть получено при выделении среди семантических признаков, структурирующих поле, или, точнее, лексическую микросистему, «функциональных» и «формальных», или «топографических», признаков. В истории языка функциональные признаки обычно сохраняются, в то время как топографические могут просто замещаться при изменении культурного и природного окружения.

Если поле, с которым мы имеем дело, описывает природные объекты, то ситуация приобретает определенную специфику. Количественное соотношение топографических и функциональных признаков резко изменяется, и большая часть выделяющихся признаков носит определенно топографический характер; часть признаков, явно топографических по формулировке, являются косвенно функциональными, поскольку определенная топография ведет к определенным возможностям использования в человеческой деятельности.

Семантические признаки, конституирующие набор возможных смысловых переходов в исследуемой лексической группе, в общем, оказываются однотипными в различных языковых семьях. Они мало имеют отношение к научной классификации и образуют некоторую «наивно-ботаническую» иерархию.

- «Наивно-ботаническая» иерархия, полученная из рассмотрения рефлексной многозначности названий растений, восстанавливаемых для пралексиконов алтайской, уральской и индоевропейской семей.
- I. Деревья — кустарники — травы.
- II. Деревья:
  - 1. «самое большое дерево» («дуб»/«сосна» в индоевропейских и алтайских языках, «тополь»/«кедр» в тюркских языках Алтая и под.).
  - 2. а) хвойные vs лиственные (крупнолиственные vs мелколиственные)
  - б) с низким ветвлением vs с высоким ветвлением
  - в) с гладкой корой (со светлой корой vs с темной корой) vs с сильно шершавой корой
 Например:
  - {дуб; вяз (шершавый)}: крупнолиственные деревья с низким ветвлением, шершавой корой
  - {бук; ясень, вяз (гладкий), граб}: крупнолиственные деревья с высоким ветвлением, гладкой корой
  - {береза; осина; тополь}: мелколиственные деревья с гладкой, светлой корой.
- III. Квазифункциональные признаки.
  - а) качество древесины (мягкая/твердая, ср. ПФУ **kappV* ‘вид дерева с мягкой древесиной: тополь, осина, ель’)
  - б) наличие съедобных плодов (ПАлт. **ojle* ‘дикое плодовое дерево (яблоня, груша, слива)’; ИЕ **amel-*: скр. *amra-* т. ‘манговое дерево’, иран. **(a)marna-* ‘яблоня’, **amru-* ‘груша’, греч. *ámpelo-s f.* ‘виноградная лоза’, кельт. галл. *amella* ‘утесник’; ИЕ

**māl-* < **maHl-* ‘яблоко, виноград, малина’ = ПАлт. *melu ‘дерево с ягодами (рябина, черемуха)’, ПУр **mol’-* ‘ягода (вишня, черника)’)

- (+ топографические признаки облика ягоды (черная vs красная; сборная костянка: ПИЕ **mor-* «ежевика/шелковица» = растение с плодами типа черная сборная костянка)
- в) наличие обильного цветения (ПАлт *tāpulka ‘цветущий куст’: тюрк. **T(i)abilku* ‘таволга’, Монг. *čibaga ‘лох’, яп. **tu(m)paki* ‘Camelia’; ПАлт **siurk’a* ‘цветущий куст с розовыми цветами’: Монг. *surgar ‘багульник’, кор. *sarko ‘персик’, яп. *sakura ‘вишня-сакура’)
- г) наличие колючек
- д) признак неполностью одревесневшей древесины ветвей: ПТю **T(i)abilku* семейство розоцветные: таволга vs. гребенщиковые: тамариск vs. бобовые: карагана (чилига)
- е) кормовая ценность — низкая vs высокая: ПИЕ **smelk’-*, **-g’-* ‘дикий злак’: слав., герм. ‘луговик = щучка’, балт. ‘перловник’ vs ПИЕ **derət-*, **tered-* ‘дикий злак: плевел, костер’
- д) наличие съедобного корневища (способен объединять луковичные и клубневые растения).

Строго говоря, опираясь на такой анализ лексической семантики (а только для него и дают основания реально засвидетельствованные процессы изменения значения в языках), мы можем реконструировать праязыковые названия растений со значениями, выстроенными на этих признаках. В общем случае эти реконструкции не давали бы оснований для палеобиологических сопоставлений: как локализовать географическую зону по наличию названия «самого большого хвойного дерева с орешками» — это сибирский кедр или ливанский? Как определить, тамариском или таволгой был в пратюркском соответствующий кустарник? Однако в реальности обычно обнаруживается, что для каких-то растений название может быть проинтерпретировано однозначно. Значительные проблемы встанут только в случае очевидной смены природного окружения у одной из сравниваемых групп. Похоже, что в этом случае сохраняются только те названия растений, которые имеют функциональную нагрузку, причем в семантике сохраняется только эта нагрузка, а топографические признаки просто заменяются. Ср. соотношение значений ПИЕ **malg^{w-}*: греч. «мальва» — санскр. «сансевьера» (стебли и листья обоих растений используются для добычи грубых волокон для плетения и ткачества; ср. соотношение значений у ТМ *xonta-hta ‘конопля; крапива’). Именно такими процессами затруднено определение по названиям растений «индо-хеттской» и «материково-японо-корейской» прародин. По нашим наблюдениям, особенно велик вес функциональных признаков для слов, обозначающих травянистые растения.

Вот некоторые примеры семантических изменений в группе названий съедобных растений, реконструируемых для пратюркского.

1) ПТюрк. *baltur-gan. См. [ЭСТЯ 1978: 55—56]. Все рефлексy обозначают крупные зонтичные растения со съедобными стеблем и листьями (борщевик, дягиль, анис, купырь, душица). На общетюркском фоне можно предположить, что

турецкое значение ‘болиголов’ — следствие усечения более старого **aǰu baldıran*, ср. кирг. *ū baltırqan* ‘болиголов’, букв. ‘ядовитый балтыркан’. По-видимому, заимствованием из тюрк. являются монг. слова **balčirgana*, **baldargana* ‘борщевик, дягиль’, письм.-монг. *balčirγana*, *baldarγana* ‘борщевик’, халха *baldargana*, *baltargana*, *balčirgana* ‘борщевик’, *xar balčirgana* ‘чемерица, ядовитое лилейное’ (*xar* ‘черный’); бур. *balšargana* ‘борщевик сибирский; чемерица’, калм. *balčrgənə* ‘черемша *Allium ursinum*, съедобное лилейное; воронец *Actaea*, ядовитое лютиковое’. Разнообразие монгольских значений показывает, что на растения других видов переносится соотношение «съедобный — ядовитый», которое хорошо наблюдается и в тюркском. В общем исходная семантика тюрк. **baltur-gan* может быть сформулирована как «крупное травянистое растение со съедобным стеблем и листьями, имеющее очень схожую ядовитую разновидность». Алтайская этимология: Палт. **biola* ‘травянистое растение со съедобным стеблем’, кор. *puro* ‘латук’, др.-яп. *warabji* ‘*Pteridium aquilinum*’ ‘папоротник-орляк’ (молодые побеги употребляют в пищу).

2) ПТюрк. **byñan*. Значения по языкам ‘лебеда’, ‘амарант’, ‘солодка’, ‘*Sophora alopecuroides*’, ‘*Ascroptilon*, горчак’, ‘кинза’. Лебеда, как и солодка, растение со сладковатым вкусом стебля. Лебеда — семейство маревых, солодка — бобовых, амарант — амарантовых, они все похожи внешне, кишнец (кинза) — семейство зонтичных и внешне на них не похоже. Признаки, сходные у всех этих растений — мелкая трава, растет на пустырях, имеет съедобный стебель. Они и составляют архетипическое значение. Тюркское слово, видимо, восходит к Палт. **mīna* ‘вид съедобного травянистого растения’ вместе с кор. **minàri* ‘сельдерей, петрушка’.

3) ПТюрк. **ylčgun* > **yšgun* ‘щавель, ревень’. Архетипическое значение для тюркских слов вполне определенное: «травянистое растение с кислыми съедобными стеблем и листьями». Оба рода, щавель и ревень, относятся к семейству гречишных. Щавель растет по лугам и опушкам лесов, растение мелкое; ревень — крупное растение, в природе растет по степям и на солонцах. Какое из растений конкретно обозначалось этим словом (или оба?), зависит от того, какой биоценоз предполагается для тюркской прародины. Тюрк. слово может восходить к Палт. **elu-č-*: ПТМ **elu* ‘лук’; ПМонг. **alčanga*: халха *алцанга* ‘сусак’. Это монгольское слово заимствовано в ср.-уйг., как фиксирует словарь Махмуда Кашгарского: *alučyn* ‘съедобное растение с узловатым стеблем’. Общеалтайская архетипическая семантика: «съедобное травянистое растение с кислыми или горькими стеблем и листьями».

Таким образом, для решения вопроса о конкретных ботанических нагрузках реконструируемых названий растений явно необходимо, хотя, возможно, в конкретных случаях недостаточно, представление о всем комплексе ландшафтных и, в частности, биологических признаков, которые сцеплены с соответствующими зонами пралексикона. Что касается пратюркского и праалтайского состояния, вопрос разрешается, как кажется, достаточно однозначно, поскольку вос-

становливается ряд признаков степного ландшафта (ср. выше) и, в частности, несколько совершенно определенных названий полыни и конопли, при наличии также названий явно лесных растений. Для пратюркского состояния географически показательно также наличие названий растений, заимствованных из древнекитайского (например, **turma* ‘редька, репа’) и восточно-иранских (например, **bütnük* ‘мята’) языков. Продуктивную попытку локализации тюркской прародины на основании пратюркских названий деревьев см. также в [Норманская 2009]. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что этот комплекс проблем лежит, собственно, за пределами узко лингвистической деятельности; значения же «народных», т. е. реально представленных в языках, названий растений, по-видимому, устроены вышеописанным образом и так же были устроены в праязыках зафиксированных языков.

VII. Заключение

Подчеркнем еще раз, что, поскольку отождествление лексем для разных исторических состояний языка проводится этимологическим методом, значительную часть нашей работы занимает этимологизация, в которой ведущая роль принадлежит принципу соблюдения фонетических соответствий. Только при наличии возможности альтернативной этимологизации с соблюдением выявленных фонетических соответствий к выбору альтернативы применимы историко-семантические критерии. К настоящему времени ясно, что применение предложенной реконструктивной методики дает результат не только в области реконструкции «конкретного словаря» — как ненагруженного (части тела), так и нагруженного (названия жилища) энциклопедической информацией, но и в таких лексико-семантических областях — как имущественная лексика и (при некоторой модификации методики) цветообозначения. По-видимому, эти исследования должны развиваться параллельно с продвинувшимися в последнее время синхронно-типологическими исследованиями по семантическому картированию лексики.

А. В. Дыбо
Институт языкознания РАН, Москва
adybo@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
- Аркадьев 2003 — *Аркадьев П. М.* Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте // *Московский лингвистический журнал*. Т. 6. М., 2002. № 1. С. 53—80.
- Василевич 1969 — *Василевич Г. М.* Эвенки. Л., 1969.
- Дыбо 1985 — *Дыбо А. В.* К праалтайской реконструкции названий частей тела // *Теория и практика этимологических исследований*. М., 1985.
- Дыбо 1988, 1 — *Дыбо А. В.* Этимологический материал к реконструкции пратунгусо-маньчжурских названий частей тела. // *Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях*. Ч. I. М., 1988.
- Дыбо 1988, 2 — *Дыбо А. В.* Применение лингвогеографического анализа в этимологии. // *Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях*. Ч. I. М., 1988.
- Дыбо 1995 — *Дыбо А. В.* Пальцевые меры длины (пяди) в алтайских языках // *Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы*. М., 1995.
- Дыбо 1996 — *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. М., 1996.
- Дыбо 1997 — *Дыбо А. В.* Названия подарков в пра-алтайском // *Н. А. Баскакову 90 лет*. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Дыбо 2005 — *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция: мир праалтайцев по данным сравнительно-исторического языкознания // *Труды Отделения историко-филологических наук / Отв. ред. акад. А. П. Деревянко*. М.: Наука, 2005. С. 165—180.
- Дыбо 2008 — *Дыбо А. В.* Материальный быт. Жилище // *Природное окружение и материальная культура пратюркских народов*. М.: Вост. лит., 2008. С. 219—272.
- Жуковская 2002 — *Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура, традиции, символика. М., 2002.
- КЭСК — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Мифы народов мира — *Мифы народов мира: Энциклопедия / Под ред. С. А. Токарева*. Т. 1. М., 1980; Т. 2. М., 1982.
- Молчанова 1982 — *Молчанова О. Т.* Структурные типы топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982.
- Невская 1979 — *Невская Л. Г.* Дом в литовской загадке // *Balcanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.
- Никитина, Кукушкина 2000 — *Никитина С. Е., Кукушкина Е. Ю.* Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах. Опыт тезаурусного описания. М., 2000.
- Норманская 2009 — *Норманская Ю. В.* Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // *Природное окружение и материальная культура пратюркских народов*. М.: Вост. лит., 2008. С. 219—272.
- Розенцвейг 1964 — *Розенцвейг В. Ю.* Лексика имущественных отношений // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. Вып. 8. М., 1964.
- СИГТЯ 2000 — *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков*. Лексика. М., 2000.
- ССТМЯ — *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков*. Т. I—II. Л., 1975—1977.

- Толстой 1964 — *Толстой Н. И.* О некоторых возможностях лексикосемантической реконструкции праславянских диалектов // Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии. М., 1964. С. 37—39.
- Толстой 1963 — *Толстой Н. И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I // ВЯ. № 1. 1963. С. 29—45.
- Толстой 1966 — *Толстой Н. И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. II // ВЯ. № 5. 1966. С. 16—36.
- Толстой 1968 — *Толстой Н. И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // VI съезд славистов. Прага, 1968. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 339—365.
- Цивьян 1974 — *Цивьян Т. В.* К семантике дома в балканских загадках // Мат-лы Всесоюз. симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1 (5). Тарту, 1974.
- Шавкунов 1990 — *Шавкунов Э. В.* Культура чжурчженей-удигэ XII—XIII вв. М., 1990.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачова.* М., 1974.
- ЭСТЯ 1978 — *Севертян Э. В.* *Этимологический словарь тюркских языков.* М., 1978. Т. II.
- Benveniste 1954 — *Benveniste È.* Problèmes sémantiques de la reconstruction // Word. V. 10. 1954. № 2—3; Рус. пер.: *Бенвенист Э.* Семантические проблемы реконструкции // *Бенвенист Э.* *Общая лингвистика.* М.: Прогресс, 1974.
- Benveniste 1970 — *Benveniste È.* Le Vocabulaire des institutions indo-européennes. I. Economie, parenté, société. II // Pouvoir, droit, religion. Paris, 1970; Рус. пер.: *Бенвенист Э.* *Словарь индоевропейских социальных терминов.* М.: Прогресс — Универс, 1995. С. 456.
- Dıbo 2005 — *Dybo A. V.* Names of gift in Turkic languages // *Алтайские языки и восточная филология.* М.: Вост. лит., 2005. 478—498.
- Dıbo 2006 — *Dybo A. V.* Indoeuropeans and Altaians through the linguistic reconstruction // Kinship in the Altaic World. Proceedings of the 48th PIAC. Wiesbaden, 2006. P. 88—102.
- Dıbo 2008 — *Dybo A. V.* Bazı otsu bitki adlarının Ana Türkçe Arketipleri ve Ana Altayca Kökleri // VI. Uluslararası Türk Dilinin Kurultayı. Ankara, 2008.
- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- Stachowski 1994 — *Stachowski M.* Einige Namen für «Dach» in den Türkisprachen // *Folia orientalia.* 30. 1994.
- Wierzbicka 1980 — *Wierzbicka A.* *Lingua mentalis.* Frankfurt, 1980.